

КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ США (1789—1991)

Джоел Силби
(Корнелльский ун-т)

При исследовании контуров американской политической системы на протяжении более чем двух столетий в любой дискуссии нельзя избежать главных, ключевых элементов — проблем политических партий и поведения граждан на выборах. Общенациональные партии заметно влияли на политическую жизнь США с 1789 г., порой ее определяли и в значительной степени характеризовали. Участники этого процесса в Соединенных Штатах достаточно рано осознали необходимость ряда политических соглашений в целях сохранения порядка и управления плюралистским обществом. Политические партии взяли на себя выполнение этих функций. В результате немногие выборы, общенациональные или на уровне штатов, баталии в законодательных органах или борьба за власть обходились без участия партий, будь то федералисты или республиканцы, демократы или виги, а в течение более 135 лет, демократы или республиканцы. Указанные партии мобилизовывали электорат, стремились всячески предупреждать возникновение опасных ситуаций и успешно формулировали политическую повестку дня в различные периоды нашей истории¹.

Но политические партии, их роль никогда не оставались неизменными. Исследователи выделили в истории США существование пяти четко очерченных партийных систем:

- 1) первоначальная система федералисты — республиканцы, примерно до 1815 г.;
- 2) демократы — виги, между 1828 г. и 1850-ми годами;
- 3) первая система республиканцы — демократы, с 1860 по 1896 г.;
- 4) вторая система, 1896—1932 гг.;
- 5) система в условиях “нового курса”, с 1932 г.

Такое деление основывается на различных интересах определенных социальных групп, поддерживающих ту или иную партию, причем поддерживающих ее в рамках данной партийной системы не от случая к случаю и время от времени, а постоянно в течение многих лет в каждой избирательной кампании. Одну партийную систему от другой отделяют перегруппировки, когда среди этих групп происходят кардинальные, долговременные изменения в поведении избирателей, приводящие к смене системы.

Перевод М.М.Сиротинской.

¹ Основные положения и выводы этого доклада взяты из двух моих статей, а также из моей книги: *Silbey J. H. The Rise and Fall of American Political Parties, 1790—1990* // *The Parties Respond: Changes in the American Party System* / Ed. L.S.Maisel. Boulder, 1990. P. 3—17; *Idem. Beyond Realignment and Realignment Theory: American Political Eras, 1789—1989* // *The End of Realignment?* / Ed. B.Shafer. Madison, 1991. P. 3—23; *Idem. The American Political Nation, 1838—1893*. Stanford, 1991.

Понятие партийных систем, претерпевающих сдвиги в связи с изменениями в поведении избирателей, взято на вооружение в последние 20—30 лет как политологами, так и многими американскими историками. Увидели свет превосходные труды о партийных перегруппировках 1850-х, 1890-х и 1930-х годов, а также исследования, посвященные отдельным партийным системам. Большая часть этих трудов — анализ поведения избирателей; объект исследования некоторых ученых — непосредственно партии; и лишь немногие прослеживают влияние партийных структур и избирательной борьбы на правительственные институты и политическую деятельность. Данные исследования углубили и уточнили такие понятия, как критические выборы и партийные системы и подтвердили их приоритетную роль в нашей политической истории.

Неудивительно, что теория относительно устойчивых партийных систем, переживающих приблизительно один раз за поколение глубокие изменения, в свою очередь, была подвергнута критике — историки на основании новых материалов пришли к выводу, что как поведение избирателей, так и политические партии в разные эры отличались. К тому же политологи обратили внимание на то, что схема периодических, систематических смен партийных систем не отражает более американских политических реалий.

С 1960-х годов наблюдается растущее дробление электората, вызванное меньшей приверженностью избирателей определенной партии. Кроме того, приверженность демократической или республиканской партиям уже не достигает столь высокой степени, которая когда-то являлась нормой американской политической жизни; число независимых избирателей достигло рекордной отметки, все менее предсказуемы результаты голосования. Безусловно, собрано достаточно доказательств в пользу того предположения, что за партийной перегруппировкой периода “нового курса” не последовало создания новой двухпартийной системы, что, напротив, электорат разгруппировался и что наша современная политическая система не может при нынешних условиях привести к перегруппировке. Эти новые обстоятельства свидетельствуют об отступлении от прежних циклических норм, с помощью которых исследователи характеризовали нашу политическую историю.

В то же время при изучении отдаленного политического прошлого Америки встает вопрос: существовали ли в первые полстолетия нашей конституционной истории условия для партийной перегруппировки, в основе которой лежали устойчивые, ориентированные на двухпартийную систему привязанности избирателей? Ряд исследователей пришли к заключению, что, несмотря на существование в данный период партийных коалиций федералистов и джефферсоновских республиканцев, говорить о нормально функционирующей партийной системе преждевременно — присутствуют не все ее признаки. Я согласен с такой критической точкой зрения. Изучение политической истории США, в частности роли политических партий, позволяет мне сформулировать совершенно иную концепцию, отличающуюся от той, которая была предложена сторонниками теории “критических выборов”.

Один из путей исследования этих различий между партиями — рассмотрение способов функционирования партийных институтов, той роли, которую они играли в отдельные периоды американской истории. Хотя между 1790 и 1815 гг. общенациональные политические партии действительно возникли, ни партийная система в ее полном объеме не сформировалась, ни четкие партийные пристрастия избирателей в этот период не выявились. Первоначальные попытки создать в 1790-х годах общественные партии были довольно робкими, саму идею необходимости партий восприняла лишь политически активная часть населения. Партии не были избирательными коалициями и не выполняли каких-то определенных функций в политической жизни США. Они не имели массовой опоры и не оказывали на нее заметного влияния. Конечно, партийные лидеры пытались выдвигать кандидатов, организовывать избирательные кампании, привлекать электорат, обязывать законодателей и прочих должностных лиц соблюдать партийную дисциплину. По мере выдвижения различных политических программ сначала в Вашингтоне, а затем и в столицах штатов, характерными явлениями стали использование партийных ярлыков, координация партиями политической деятельности. Это повторялось каждую избирательную кампанию на заседаниях конгресса и легислатур штатов. Казалось, что федералисты и республиканцы вездесущи.

Тем не менее эти усилия предпринимались нерегулярно. Свойственный этим молодым партиям идеологический напор не спасал их от организационной уязвимости. Связь партийных деятелей общенационального уровня с их сторонниками в штатах была слабой. Сеть организаций, необходимых для вовлечения электората в избирательную борьбу и разработка политических программ каждой партии, не была еще полностью сформирована и стабильна. В некоторых штатах, например в Нью-Йорке и в Северной Каролине, они были сформированы рано, к их помощи прибегали часто. А в других регионах партийные организации не достигли даже рудиментарного уровня развития. Эти первые организации были ориентированы на элиту, а не на массового избирателя. По существу политическая деятельность сводилась к фракционной борьбе между различными влиятельными группировками, в то время как основная масса населения не оказывала постоянной поддержки определенной партии. Неустойчивость избирательных коалиций, непостоянство избирателей воспринимались как норма.

После 1789 г. процент принимавших участие в голосовании (от общего числа имевших право голоса), в сравнении с более поздними стандартами был крайне низок. В 1800 г. только 31,4% потенциальных избирателей голосовали за президента, а в 1816 г. — лишь немногим более 20%, и это еще не самые плохие для данного периода результаты. К концу 20-х годов к избирательным урнам пришло максимальное (свыше 57%) для первой половины XIX в. число граждан. В отличие от более позднего времени в те годы процент проголосовавших избирателей на выборах в штатах был обычно несколько выше, но даже на местном уровне и на уровне штатов их активность была значительно ниже, чем в дальнейшем.

В то же время в годы баталий между федералистами и республиканцами поведение этой сравнительно небольшой части избирателей не отличалось устойчивостью и только в некоторых случаях приобретало партийную окраску. Лишь в последующие годы определенные партийные группировки начали противостоять друг другу в дни выборов.

Все изложенное не вызывает удивления, ведь в тот период не существовало определенных структур, механизмов, эффективных средств (или желаний) для сохранения контроля над электоратом, поддержания его партийных симпатий. Наконец, в те годы совершенствованию системы политических партий в США препятствовало распространенное против них предубеждение, ибо многие считали, что в расширяющемся, плюралистском обществе партии вообще не нужны. Основу недоверия к любым институтам, организовывавшим и поддерживавшим внутренние конфликты, составляло опасение, уходящее корнями в XVIII в., что политическое размежевание наносит вред всем республикам. Многие американцы, воспитанные на флорентийской республиканской традиции, переосмысленной в Британии XVIII в., настороженно относились к политическим конфликтам, призывам к политической организации, которые, как их учили, угрожали свободе. Американцы всегда были предубеждены против политических лидеров, с их опасными посулами. Партии, провоцируя конфликты, ухудшали положение дел и ставили под угрозу само существование нации.

Характерными для той эпохи были незрелость политического темперамента партийных лидеров, индивидуализм вместо чувства коллективизма, непредсказуемость реакций и поведения граждан, как в стенах законодательных органов, так и у избирательных урн; словом, той эпохе не хватало устойчивости, постоянства. Это была еще допартийная (*prepartisan*) политическая культура, с не всегда предсказуемым поведением избирателей.

С точки зрения некоторых исследователей раннего периода американской истории, даже называть организации 1790-х годов партиями, учитывая такие факторы, как их слабость, несовершенная структура, их место в политической системе, враждебное к ним отношение, — значит исказить общую картину. Один ученый писал: “Поскольку мнение, что партии законны, что они необходимы в неоднородном обществе, что постоянные, продолжительные групповые конфликты должны быть разрешены политическим путем, направленным в русло партийной борьбы”, еще не утвердилось в первые десятилетия после принятия конституции, было бы “анахронизмом” называть возникшие объединения “не фракциями, созданными для выполнения текущих задач, а как-либо иначе”. В допартийную эпоху партии федералистов и республиканцев не могли претендовать на ведущую роль.

Приблизительно в течение полувека после ратификации конституции попытки включить партии в качестве важнейшего компонента в политическую систему США терпели неудачу. Эту допартийную эпоху сменила другая, характеризовавшаяся совершенно иным поведением избирателей. Главным событием 90-х годов XIX в. было отнюдь не поражение У.Брайана в избирательной борьбе с У.Маккинли; да и в

конце 1830-х годов произошло нечто более важное, чем уход с политической арены Мартина Ван Бюрена и крикливая избирательная кампания, в которой победили “Типпекано и Тайлер с ним”*. Десятилетие политической жизни после 1828 г. было чрезвычайно бурным, эти годы отмечены резкой конфронтацией. Конечно, настойчивые попытки политического маневрирования, серьезных изменений в политической организации предпринимались и ранее. Однако до конца 1830-х годов они не дали существенных результатов. Как отметил Рональд Формисано, лишь конец 30-х годов прошлого века можно считать временем “появления на политической арене партии” — именно тогда выявились все признаки, характеризующие нормально функционирующую партийную систему, структуры которой нашли свое место в политической системе США. Появилось то, чего никогда не было.

Завершилась первая политическая эпоха, ибо политическая деятельность приобрела новый размах, новые формы, возросло ее значение. По мере того как после 1815 г. численность населения продолжала увеличиваться, по мере того как в отношениях между различными слоями общества все чаще возникала напряженность, по мере того как усиливались социальные антагонизмы и группировки с различными интересами пытались оказывать давление на правительство, становилось очевидным, сколь необходимы новые политические институты плюралистскому, неоднородному обществу.

Толчком к образованию партий послужили следующие обстоятельства: во-первых, надо было мобилизовать и контролировать увеличивавшийся избирательный корпус; во-вторых, партии должны были объединить группировки и фракции со схожими интересами в коалиции, чтобы достичь успеха на выборах; в-третьих, нужно было проводить определенный политический курс в обществе, члены которого по-разному понимали основные задачи момента, приоритетные направления развития и в то же время выражали серьезные опасения в связи с возможностью прихода к власти политических противников или “не тех” людей, или групп. В течение десятилетий после 1815 г. в центре политической полемики сначала на местном и штатном уровне обсуждались вопросы экономического и социального развития, затем с новой силой вспыхнула борьба вокруг проблем общенационального масштаба, в частности за президентское кресло. После частичной отмены цензовых ограничений на участие в выборах взрослых белых мужчин в эти конфликты вовлекалось все больше и больше людей. Лидеры политических партий должны были иметь дело с увеличивавшимся (в том числе, и по географическим причинам — в связи с расширением территории страны) избирательным корпусом, пробужденным взрывом различных политических и групповых конфликтов.

Новым лидерам удавалось решать встававшие перед ними полити-

* В 1840 г. в ходе успешной президентской кампании партия вигов с беспрецедентным размахом рекламировала своих кандидатов на президентский и вице-президентский посты — У.Г.Гаррисона и Дж. Тайлера. “Типпекано и Тайлер с ним” — рефрен многочисленных предвыборных, в том числе и стихотворных, лозунгов вигов. — *Примеч. М.А.Власовой.*

ческие задачи. Толчок к массовым политическим действиям и созданию организаций сперва был получен от движений, образованных вне основных партийных коалиций, например антимасонского. По степени и формам мобилизации масс оно не знало себе равных. В дальнейшем многие политики, стремившиеся приспособиться к новым политическим условиям, прибегали к опыту антимасонов. Мартин Ван Бюрен из Нью-Йорка и отлично организованная группа его сторонников — “олбанское регентство” (“Albany Regency”) — осознали происходившие вокруг них перемены и стали прилагать усилия к образованию партии, к совместным действиям, к соблюдению дисциплины и подчинению руководству. По словам Майкла Уоллеса, они “заменили индивидуализм, столь дорогой сердцам теоретиков вигов и республиканцев... почти рабским культом организации”. Помощник Ван Бюрена Черчилль Камбрелен в речи, произнесенной в конгрессе в 1826 г., утверждал, что политические партии “необходимы каждой администрации... без них невозможно само существование американских институтов; и если даже (они)... зло, мы в интересах свободы все равно должны терпимо к ним относиться”. Партии, подчеркивал он, “никогда не причиняли вреда ни одной свободной стране... Конфликт между партиями — благородный конфликт, соперничество различных мировоззрений, индивидуальностей”

Движение за создание партийной организации, нападки на противников идеи партий достигли апогея во время выборов 1828 г. и избрания президентом США Э.Джексона. Но с этой победой совершенствование партийной системы не завершилось, скорее, оно только началось. В последующие десять лет политическая жизнь США коренным образом изменилась — необходимость партий была обоснована теоретически, сформировались многие структуры. Политическая борьба в годы пребывания у власти администрации Джексона, а в дальнейшем и постоянные баталии по экономическим вопросам и по поводу того, кто станет следующим президентом, завершили переход к обществу, в котором партии играют доминирующую роль.

Какое бы недоверие не испытывали некоторые американцы относительно партий и их призывов к подчинению индивидуума коллективной воле, все большее число людей, стремясь обеспечить свои политические интересы, воспринимали новые “правила игры”. Желание организовать партию охватило и стан противников Джексона. С давних пор негативно относившиеся к партиям виги вначале с неудовольствием воспринимали доводы в их поддержку и не одобряли их деятельность. Но в конце концов многие из них стали активными защитниками партий, создав свою партийную организацию.

Все это означало нечто большее, чем просто риторика. Это был переход от непостоянства, индивидуализма и волюнтаризма к стабильности, структуре и профессионализму. Произошло нечто большее, чем просто рождение новой партийной системы. Обновилась сама ткань политической жизни. Возникла совершенно иная политическая структура, игравшая вторую после конституции роль и в которой одно из центральных мест заняли партии. Они органично вошли в политическую систему, они нашли приверженцев не только среди лидеров, их влияние

ощущали почти все американцы. Они способствовали возникновению постоянных рабочих органов. В Америке XIX в. выборы проводились часто. Партийные организации постоянно выдвигали кандидатов, поддерживали их в период избирательной кампании или собирались выдвигать или поддерживать того или иного кандидата на одну из многочисленных выборных должностей. С момента своего возникновения партийные организации назначали кандидатов на всех уровнях, исключая таким образом индивидуальное или групповое волеизъявление. Партийные функционеры совместно готовили программу будущих выступлений, осуществляли полный контроль над электоратом. Партийные организации разрослись в постоянную сеть комитетов, кокусов, конвентов, призванных регулярно выдвигать и обсуждать кандидатуры, определять тактику и стратегию партий, проводить избирательные кампании и мобилизовывать электорат на выборы в назначенный день. Причем эти партийные институты строились везде и всегда по одному и тому же принципу: они были децентрализованы. Партийные структуры различных штатов мало чем отличались друг от друга.

В XIX в. ядром партийной организации являлись конвенты, которые проводились как на общенациональном, так и на местном уровне. Хотя конвенты порой созывались и в более ранние периоды американской истории, только с конца 30-х годов XIX в. они вошли в партийно-политическую практику. На всех уровнях политической активности действовала система созыва сторонников партии для согласования инициатив, выдвижения кандидатов и избрания делегатов на съезды более высокого уровня. Высшим органом являлся национальный конвент, созывавшийся раз в четыре года. Эти съезды (на всех уровнях) проводились в глубокой тайне и пользовались высочайшим авторитетом, именно на них принимались выжнейшие для каждой партии решения.

Представим, что конвенты завершили работу, избраны кандидаты от партий, известны их платформы. После этого виги и демократы через газеты (число которых неуклонно росло), памфлетную литературу, на массовых митингах начинали популяризировать свои идеи. Партийные платформы обычно отражали позицию каждой партии. Затем во время дебатов виги и демократы резко противопоставляли себя друг другу, подчеркивая разное отношение к событиям. Партийные лидеры прибегали к весомым аргументам, чтобы привлечь внимание к тому, сколь различен электорат партии, и сплотить собственных сторонников. В своих платформах, газетных публикациях, выступлениях перед избирателями партийные деятели часто использовали традиционные религиозные, национальные, "секционные", культурные различия, а также разное отношение к способам экономического управления свободным, стремительно развивавшимся обществом, порой представляя вовлеченным в политику американцам свое видение мира. Лидеры партий быстро научились извлекать политические дивиденды из всех разногласий. В своих пространственных речах они характеризовали текущий политический момент, не забывая сообщить, откуда исходит опасность и что поставлено на карту.

В этом диалоге каждая партия далеко не полностью отражала взгляды

различных слоев и социальных групп общества, обращаясь лишь к определенной части избирательного корпуса. В результате в 1840-х годах партия вигов, будучи социально однородной, выступала за вмешательство государства в социально-экономическую жизнь. В свою очередь партия демократов поддерживала идеи социального и этнического плюрализма и с недоверием относилась к активной роли государства во всех делах. Итак, партии регулярно, открыто подчеркивали различия между собой. Они упорно вдалбливали в головы избирателей мысль о своей “полнейшей непримиримости”, о том, что они якобы “так же враждебны друг другу, как свет и тьма, знание и невежество”.

Степень партийной организованности в различных штатах не была ни одинаковой, ни столь совершенной, как того хотели бы лидеры партий. Но они всегда стремились к полному ее усовершенствованию. Многие элементы эффективно действующей партийной модели присутствовали, хотя и не получили еще должного развития. Самым важным представляется то, в каком направлении развивалась партийная система. Произошла переоценка ценностей, и общественное мнение стало благосклонно относиться к организации как средству достижения политических целей. Атмосфера, схема подготовки и проведения избирательных кампаний, была одинаковой в различных регионах страны.

В конце концов именно постоянное, прямое, непосредственное участие нации в избирательных кампаниях (по крайней мере, взрослых белых мужчин) в масштабах, ранее не мыслимых, предопределило ту важную роль, которую партийные институты стали играть в общественной жизни. Сначала в партийные структуры вовлекалась элита. С расширением избирательного права и соответственно ростом числа избирателей партийные лидеры были вынуждены любой ценой сохранять контроль над электоратом, постоянно поддерживая его интерес к политике. Подчеркну — деятельность функционеров была довольно успешной, чему способствовали политизация общественного сознания и совершенствование самой партийной машины. К 1838 г., несмотря на массовые переселения американцев, число участвовавших в выборах граждан существенно возросло в сравнении с предшествующим периодом. Во время голосования избиратели открыто заявляли о своей партийной ориентации — постоянная приверженность избирателей какой-либо партии стала нормой, чего ранее не наблюдалось. Каждая избирательная кампания, в ходе которой обсуждались новые проблемы и выдвигались новые лидеры, не воспринималась ими обособленно. Напротив, они считали, что кампания — это очередная возможность поддержать свою партию и тем самым выразить ей свою преданность. Как отмечал в 40-х годах XIX в. редактор газеты “Albany Argus”, “первейший долг демократа — принять участие в выборах; вторая его важнейшая обязанность — постоянно голосовать за один и тот же избирательный список”. И за редкими исключениями избиратели действовали согласно данному правилу.

В результате сложилась совершенно иная в сравнении с предыдущим периодом политическая структура. К началу 1840-х годов американцы

все чаще и охотнее поклонялись новому “идолу” — партии. Никогда в нашей истории партии не играли столь важной роли, чем в эти годы, — именно тогда они стали основной политической силой, организующей, разъясняющей, направляющей массы. Их активность привела к формированию особой политической системы. Острое идеологическое соперничество партий, а также созданный ими надежный организационный механизм вовлечения электората “работали” на партийную систему — активность избирателей на выборах была чрезвычайно высокой, а результаты голосования имели везде четко выраженную партийную окраску.

Однако после непродолжительного периода господства партий в обществе они не исчезли. Американцы осознали их значение как связующего звена в отношениях между избирателями и политиками, как помощника в решении спорных вопросов. Таким образом, они завершили эволюцию американской политической системы, начатой конституцией 1787 г. Но если учесть, с чего начинали американцы, то можно говорить не просто о триумфе политических партий, а о чем-то большем, требующем использования в данном случае более сильного термина. По словам Чарльза Селлера, их центральное место в политической системе США в середине XIX в. “являлось отражением глобальной политической революции”.

Приверженность избирателей партиям не была обусловлена стремлением извлечь какие-либо политические выгоды, у них отсутствовала личная заинтересованность в избрании определенного кандидата. Каждая партия опиралась на глубоко и постоянно преданных ей граждан. Партийные структуры были жизненно необходимы как вигам, так и демократам, они в значительной степени способствовали стабильности в поведении избирателей. Появилось несравненно большее, даже применительно к реалиям американской политической жизни, число избирателей, сохранявших верность партии. Эта партийная лояльность коренилась в общественных отношениях, в понимании своих интересов. Она постоянно подогревалась, партийные симпатии постепенно становились чрезвычайно устойчивыми, причем таких устойчивых партийных привязанностей американская политическая история более не знала. Партийные организации, символы, основные идеи партии были притягательны для подавляющей части американского избирательного корпуса любого уровня.

Всякий раз в день выборов американцы голосовали не за кандидатов, а за партийные лозунги. Легкопредсказуемое, традиционное поведение электората не было случайным — оно умело направлялось партийными лидерами. Сами выборы проводились с приклеиванием партийных ярлыков. Бесконечные баталии между вигами и демократами, а затем — республиканцами и демократами раскололи американское общество фактически на две половины. Соперничество на равных в ходе выборов становилось правилом, что толкало партийных деятелей к дальнейшему совершенствованию организации избирательных кампаний в целях мобилизации электората и усиления его привязанности к партиям и партийной системе как к наиболее надежному средству решения политических проблем.

В результате в 1840-е годы и позднее политические партии обладали большой жизнеспособностью. Их влияние ощущалось всюду. Через различные благотворительные организации они оказывали влияние на правительство. От людей, находившихся у власти, ожидали, что они будут проводить политику своей партии, и те действительно старались не подвести своих сторонников. Хотя в середине XIX в. еще не существовало совершенного механизма выработки политического курса, все предпринимавшиеся в данной области усилия соответствовали партийным обещаниям и аргументам. И, наконец, обе главные партии были общенациональными по характеру своих обращений к избирателям, степени преданности им лидеров и электората. Даже при наличии “секционных” разногласий между различными слоями американского общества и виги, и демократы по мере совершенствования партийной системы могли рассчитывать на поддержку избирателей и сохранение своего влияния.

Два важнейших глубоких события, изменивших политическую систему, — сначала партийная перегруппировка 50-х годов XIX в., а затем — Гражданская война, показали, что приверженность какой-либо одной партии не всегда себя оправдывает. В 1850—1860-х годах борьба на “секционном” уровне достигла накала, что нанесло мощный удар политической системе США. Это были годы суровых испытаний для тех, кто прибегал к традиционным средствам борьбы. Тем не менее когда после ряда серьезных подвижек в поведении избирателей, после исчезновения одной партии и возникновения другой, дым рассеялся, стало очевидным, что сама политическая жизнь в основном не изменилась. Были созданы новые избирательные коалиции, “секционные” конфликты стали нормой, республиканская партия более не отвечала общенациональным интересам. Но по-прежнему сохранялось влияние партий на политику. Партии не только благополучно пережили годы Гражданской войны, но и вышли из нее в качестве реальной силы, определяющей политику и планы лидеров, продолжая пользоваться поддержкой своих избирателей. Двухпартийная система по-прежнему продолжала оставаться реальией американской политической жизни.

В годы после Гражданской войны влияние партий еще более возросло, партийная эра (party era) продолжалась. Появились новые формы партийной организации, отвечавшие новым требованиям, например городские партийные машины. Однако в целом структуры, призывы, их смысл оставались в течение последних 30 лет неизменными. Большое значение придавалось поддержанию партийных симпатий избирателей, усилению контроля над ними, выработке выгодной лидерам партий реакции электората на текущие события, новые проблемы, независимо от их характера. Даже тогда, когда общество из аграрного стало превращаться в индустриально-урбанистское, демократы и республиканцы продолжали по-прежнему противостоять друг другу, сохраняя приверженность партийным институтам, которые, в свою очередь, удовлетворяли групповые и индивидуальные интересы.

Когда исследователь приступает к изучению поведения тех, кто бросал вызов гегемонии двух главных партий, становится очевидно, сколь важна

была роль партийных институтов в политической жизни США в XIX в. С самого начала этой партийной эры люди, негативно относившиеся к общенациональным партиям, к их деятельности, их влиянию, к месту, которое они занимали в политической жизни, протестовали против основополагающих принципов функционирования политической системы. В то же время уже одно то, что эти оппоненты сами участвовали в политике, подтверждает их приверженность многим основным политическим ценностям того времени. Что касается их постоянных критических высказываний, сомнений, положений аутсайдеров, то это можно во внимание не принимать. В период между 1838 г. и началом 1890-х годов третьей партии, как и две главные партии, организовывали избирательные кампании, выдвигали кандидатов, размышляли о том, к кому им лучше обратиться, и стремились мобилизовать часть избирателей в свою поддержку. Многие из них проводили национальные конвенты, выпускали брошюры и партийные газеты. Противопоставляя себя соперникам, они таким образом подчеркивали, сколь важна их роль в функционировании политической системы страны.

Партийная эра продолжалась до 1890-х годов. С партийной перегруппировки этих лет начала драматически меняться роль партий. На них было организовано широкомасштабное наступление, законодатели попытались (и в конечном итоге это увенчалось успехом) подорвать авторитет партийных организаций, самой партийной системы. А партии оказались менее способными, чем ранее, отразить это наступление. В результате нарушенного равновесия между ними и их противниками, произошли серьезные подвижки в расстановке политических сил на выборах, которые способствовали глубокой систематической дезинтеграции.

Депрессия начала 1890-х годов привела к кардинальным сдвигам, имевшим далекоидущие последствия. Избирательные коалиции, массовая база партий претерпели, как и 40 лет назад, изменения. В конце концов партии утратили свое господствующее положение в обществе. Вновь часть американцев почувствовала неприязнь к партиям, и такие настроения были более распространенными, нежели подобные им в первой половине XIX в. В их основе лежали изменения, происшедшие в 1893—1896 гг., а также новые социально-экономические факторы. Наступление на партии имело для политической системы США глубочайшие последствия.

В 1890-е годы электоральную политику прошлых лет, ориентированную на резкую конфронтацию между двумя основными партиями, сменила иная форма политической деятельности, не подверженная влиянию партий, не связанная с ними, а порой и направленная против них. Если ранее политики стремились противопоставлять традиции, ритуалы партий, играя на их различиях, то теперь они предпочитали действовать вне партийных организаций. Как ранее американцы боготворили ту или иную партию, время от времени выражая резкое недовольство одной из них, так в период, о котором я пишу, они стали ругать все партии.

В этом не было ничего неожиданного. Новая эра началась с довольно продолжительного переходного периода, в течение которого многие старые институты, ценности, подходы все еще играли важную роль. На общенациональном уровне демократы по-прежнему решительно боролись против гегемонии республиканцев, добившихся успеха на выборах 1896 г. Поиски партиями своих путей, методов решения спорных вопросов, способов выдвижения кандидатов также в значительной степени оставались прежними. Почти не изменились ни их поведение во время избирательных кампаний, ни их отношение к сотрудничеству с правительственными структурами, к политической деятельности, ни их понимание своей ответственности. Но в 90-х годах XIX в. по мере утраты во многих регионах страны конкурентоспособности партий ослабевал накал политических баталий, притупилась острота партийного соперничества. В итоге расшатались сами партийные механизмы, так как терпевшие поражение партии теряли своих лучших активистов, действовали менее энергично, сузились географически масштабы их деятельности. Все это способствовало изменению политического климата. В то же время появился, и в дальнейшем значительно распространился, альтернативный взгляд на политическую жизнь, что повлекло за собой трансформацию политической системы. Его сторонники крайне негативно относились к чрезмерному оппортунизму, к нечистоплотным методам манипуляции демократической политикой. Распространение этого взгляда совпадало с появлением на политической сцене новых сил, так называемых прогрессистов, стремившихся преобразовать общество.

В начале новой эры прогрессисты, по мнению Ричарда Дженсена, стремились «положить конец всем традиционным формам политической деятельности — всевластию партийных боссов, коррупции, вмешательству большого бизнеса в политику, “неквалифицированному” голосованию, сосредоточению огромной власти в руках беспринципных политиков». Для них политическая реформа и прежде всего согласованное наступление на партии были лишь первым шагом. Они считали, что партии проводят бесчестную, неразумную политику, что следует руководствоваться только верно избранными целями, что политика делается чистыми руками и не может быть подчинена чьим-либо пристрастиям, сводиться к ритуалам, служить чьей-то выгоде, политики не имеют права лгать.

В первые десятилетия XX в. прогрессистам и их союзникам удалось принять ряд законодательных мер, которые в итоге нарушили некоторые связи между партиями и избирателями. Прогрессисты поддержали начавшееся в 1880-е годы движение за реформу избирательных законов, в особенности они выступали за регистрацию избирателей и за контроль правительства над результатами голосования. Одобрение конгрессом многих законодательных инициатив в данной области изменило политическую систему: реформа, проведенная без участия партий, подорвала их авторитет — теперь контроль за выдвижением кандидатов, также как и сам избирательный процесс, подчинялись им не полностью.

В то же время в экономической области прогрессисты способствовали укреплению правительственной власти, повороту от политики распределения к политике регулирования, предполагавшей наличие технологической экспертизы, хорошо продуманной системы бюджетных ассигнований, знания финансовых проблем и сложного механизма управления, а не просто умения вести переговоры, каковым обладали в годы существования более ограниченного правительственного аппарата партийные лидеры. В результате резко увеличилось число и повысилась активность особых, не примыкавших ни к одной из партий, групп по интересам, каждая из которых пыталась оказать давление на правительство, не прибегая к посредничеству партий. К тому же государство взяло на себя ответственность за решение вопросов в тех областях, которые традиционно контролировались партиями, например в области социального благосостояния. Гражданская непартийная служба продолжала расширяться и в итоге подрывала столь важную для партий систему частной финансовой поддержки.

«Все это свидетельствовало, по словам Даниеля Т.Роджерса, о сильном “взрыве”, потрясшем общество, уничтожившем “прежние традиционные политические привязанности”, о массовой замене партий “множеством агрессивных групп давления”, пользовавшихся влиянием в течение нескольких десятилетий. Появление этих групп имело для политической системы США значительные, долгосрочные последствия. Сформировавшееся общество технократов, бюрократов, людей, принимавших независимые решения, не питало доверия и не чувствовало вкуса ни к массовой политике, ни к политической деятельности, связанной с партиями. Хотя ни одна из групп не несла персональной ответственности за происшедшие изменения, всех их, невзирая на различные интересы, цели и характер, объединяло стремление двигаться в одном направлении. По мере того как увеличивалось число этих групп и усиливалось влияние, их позиция становилась все более популярной. Риторика прогрессистов была по сути направлена против партий, они решительно отстаивали свою точку зрения.

* * *

Новые процессы, способствовавшие изменению политической системы, протекали медленно. Сама система испытывала различные влияния, что не могло на ней не отразиться. Вызов партиям, брошенный реформаторами, означал, что впервые с 1830-х годов у них появился серьезный противник, оспаривающий право партийных институтов занимать главное место в политической жизни страны. Тем не менее в течение ряда десятилетий, вплоть до 40-х годов XX в. между старым и новым сохранялся некий баланс. В некоторых регионах партии по-прежнему влияли на события, свидетельство чему — успешное функционирование городских партийных машин. Иногда, в частности в годы “нового курса”, казалось, что возврат к былому влиянию, а может быть, и к господствующему положению партий еще возможен. Партийная перегруппировка 1930-х годов не только вернула демократов к власти (с новой повесткой дня), но и возродила приверженность

избирателей партиям, пробужденную великой депрессией и реформами Рузвельта. Эти партийные пристрастия оказались стойкими, и в течение 20—30 лет довольно значительно влияли на избирательную борьбу и в какой-то степени на политическую жизнь в целом. Таким образом, можно утверждать, что период с 1890-х по 1950-е годы был переходной постпартийной (post-party) эрой. Несмотря на утрату партиями в те годы влияния на государственные дела, на процесс выработки политических решений, на избирателей, партийные привязанности электората в значительной степени сохранялись.

* * *

Но 1930—1940-е годы, которые вопреки драматизму тех лет можно назвать “медовым месяцем” партий, являлись лишь отклонением от долгого пути упадка. После второй мировой войны, когда политика “нового курса” постепенно забывалась, а процесс упадка партий намного ускорился, роль внепартийных элементов в политической жизни страны становилась все заметнее. Со временем партии как организаторы и символы политических битв все более утрачивали свой авторитет, теряя контроль над избирательным процессом. В течение всего XX в. изменилось многое, в том числе формы подачи политической информации — от партийных к внепартийным источникам. Прямой, недвусмысленный, наступательный тон партийных газет сменил иной журналистский стиль, ориентированный на более широкий круг читателей. Дешевые, падкие на сенсацию, ранее не служившие прямо интересам какой-либо партии и порой весьма цинично отзывавшиеся о политической деятельности газеты к середине XX в. обрели свою стихию. Быстро выявить их партийную принадлежность было не так легко, что имело долгосрочные последствия.

В 1950-е годы, с появлением в жизни американцев телевидения, эти процессы стали протекать гораздо быстрее. В отличие от прессы телевидение отказалось в значительной степени от партийной интерпретации событий, от акцентирования внимания зрителей на том, откуда исходит опасность, а именно к этому приему часто прибегали партийные лидеры в XX в. для мобилизации избирателей в поддержку своей партии. Когда-то партии смогли убедить граждан в том, что власть принадлежит им законно. Независимые издания, телевидение — прямо или косвенно — поставили это под сомнение. Телевидение в противовес партийным идеологам не занималось умозрительными, порой вводящими в заблуждение, построениями, а играло на создании образов, личностей; оно игнорировало или сводило на нет различия между партиями.

После второй мировой войны федеральное правительство заняло центральное место в политической системе США. С повышением авторитета государственной власти многие американцы окончательно утратили доверие к тем формам политической деятельности и нормам поведения, которые предлагали партии. Эту модель заменила иная схема: тон стали задавать хорошо организованные, не связанные с партиями группы, объединенные общими интересами и искавшие выходы на законодательную и исполнительную власть, причем эти усилия они

начали предпринимать еще в 1890-е годы, в период завершения партийной эры. Если ранее лидеры этих групп были убеждены, что партии не отражают их интересов, то теперь они поняли, что и партийные структуры не имеют к ним никакого отношения. С 1930-х годов влияние организованных, не отягощенных партийными пристрастиями групп по интересам быстро возрастало, они стали ориентироваться не только на свою первоначальную опору — новый промышленный класс, но и на все слои общества, приветствовавшие государственное регулирование. К 1960-м годам сторонники какой-либо идеи, как правило, объединялись, а затем начинали добиваться поддержки своей идеи у законодательной и исполнительной властей, словом, действовали так, как будто бы партий вообще не существовало. Разные группировки, в стремлении реализовать совершенно различные проекты, преследуя ограниченные цели, пропагандировали свои взгляды, мобилизовывали избирателей, финансировали избирательные кампании. В результате им удавалось привлечь внимание к тому или иному проекту и он становился доминирующим в какой-то области. Однако затем начиналась разногласия, диссонирующее звучание усиливалось, зачастую все это приводило к политическому расслоению.

В то же время вновь (особенно в 1960-е годы) была подвергнута сомнению законность существования партий, столь решительного и широкомасштабного, наступления на партийные институты не помнили давно. Снова были преданы огласке все недостатки в деятельности партийной системы, в том числе такие, как коррупция, контроль со стороны элиты, отрицание демократии. Многие средства массовой информации эту кампанию поддержали, К примеру, они с удовольствием вспомнили о таком неприятном для демократов эпизоде, как национальный конвент демократической партии 1968 г. Кампания принесла свои плоды. Интеллектуальное наступление на партии, усиленное фундаментальными изменениями в средствах информации, другие факторы, меняющие поле и правила игры, — все это способствовало формированию новой непартийной (non-party) политической системы.

К концу 50-х годов отчетливо проявились антипартийные тенденции, в следующем десятилетии они уже решительно влияли на политическую жизнь страны. Репортер газеты "New York Times" писал, что в начале 60-х годов Джон Кеннеди оставался "последним великим представителем политики лояльности, посредничества, компромисса и традиции". Вместе с ним пал последний оплот партий — избирательная арена. Несомненно, с конца 60-х годов XX в. кардинально изменились формы реализации массовой политики, в частности методы мобилизации сторонников. И хотя партии продолжали проводить массовые митинги и созывать конвенты, их организации приходили в упадок, оставаясь в стороне от основных политических процессов. Канула в лету их способность примирять, объединять различные интересы. Национальные конвенты партий продолжали выдвигать и обсуждать кандидатуры, но делегаты уже не пользовались прежним авторитетом у избирателей, они все меньше влияли на действительный процесс выбора, перестав играть

ключевую роль. По словам Ричарда Дженсена, “кандидаты на государственные должности” все чаще “избирали себя сами”, привлекая к сотрудничеству силы, не связанные с партиями. И это накладывало отпечаток на их дальнейшие шаги в период выдвижения кандидатур. В избирательных кампаниях уже не так широко применялись партийные ярлыки. Кандидаты все чаще предпочитали участвовать в избирательной борьбе самостоятельно, делая ставку скорее, на личные качества, а не на партийный “устав”.

Это длительное наступление на партийные институты резко изменило поведение американского избирателя после 1893 г. Политической системе США был нанесен мощный удар. Во-первых, драматическим образом изменился характер участия избирателей в электоральном процессе. Американский избиратель 1990 г. вел себя совсем не так, как его предки сто лет назад. На протяжении XX в. по мере устранения различных правовых, социальных ограничений на участие в выборах определенных групп расширился избирательный корпус. Но вместе с тем угас интерес к политике. Правда, время от времени, как, например, в годы “нового курса”, он вновь пробуждался, однако, в целом явно прослеживалась тенденция к спаду, к отстранению от политической жизни. Процессы, дестабилизировавшие партийную систему, совпали с процессом значительного сокращения числа избирателей, вовлеченных в политику, — в XX в. к избирательным урнам приходит все меньше граждан, имеющих право голоса. К 1980-м годам в Америке фактически образовалась довольно большая “партия”, точнее — группа лиц, лишь изредка участвующая в выборах. Эти граждане обладали избирательным правом, но обычно им не пользовались.

Помимо того, что все большее число граждан устранилось от участия в политической жизни, наблюдался и массовый отход от партий. В день выборов избиратели демонстрировали все меньшую зависимость от партий. Их поведение отличалось, как отмечал Бернхэм, “чрезвычайной нестабильностью”, т.е. прекращением автоматической поддержки партий. Даже обсуждение некоторых важных экономических и прочих проблем не могло пробудить у избирателей устойчивых предпочтений. Как бы партии ни демонстрировали свои различия, какие бы различные политические и идеологические взгляды они ни отстаивали, они уже не могли, как прежде, привлечь на свою сторону избирателей. Электорат все менее был уверен в том, — подчеркивал Эверетт Лэдд, — что “голосование в поддержку своей партии” — его первейший “долг”. Каждая избирательная кампания независимо от ее характера становилась своеобразной игрой в кости, с совершенно непредсказуемыми результатами, крайне неустойчивым поведением электората в период выборов. Один исследователь писал: “Если политика в 1930—1940-х годах напоминала поле битвы XIX в., когда две противоборствующие армии противостояли друг другу, построенные более или менее сомкнутыми батальонами, то сегодня политика напоминает хаотичный бой, когда на огромном поле действует множество мелких подразделений, периодически частично или полностью переходящих на сторону противника”.

Ввиду такого неустойчивого поведения электората, отсутствия в его среде постоянных партийных симпатий должно было измениться и поведение кандидатов в ходе избирательной борьбы. Кандидаты, не скованные более партийными догмами, уже не прибегали в первую очередь к помощи партийного аппарата (если они вообще ею пользовались). Во всяком случае, для них это был не лучший способ одержать победу на выборах. Они, скорее, прилагали все усилия к тому, чтобы как-то привлечь на свою сторону нейтральных или колеблющихся избирателей. В период избирательных кампаний кандидата почти никогда не рекламировали как сторонника определенной партии — напротив, подчеркивались его или ее личные достоинства. Прежде всего обращали внимание на то, что из себя представляет человек, а не на то, каковы его политические позиции, партийные пристрастия. Поэтому для тех кандидатур, которые по своему положению не были застрахованы от переизбрания через определенный срок, как, например, для членов палаты представителей, избирательная кампания все чаще превращалась в кампанию по выявлению их личных недостатков.

Таким образом, к концу 1980-х годов контраст между политическим настоящим и политическим прошлым Америки стал очевиден. Политическая культура XIX в. была ориентирована на то, чтобы объединить людей, приручить их, подчинить коллективной воле. Казалось, что американский индивидуализм нуждается в дисциплине и должен быть ограничен какими-то рамками. К концу XX в. политические процессы ярко высветили этот индивидуализм, превращавшийся в систему, основная задача которой свелась к поискам собственных, а не определенных партиями целей. Авторитет политических партий продолжал стремительно падать, и, казалось, этот процесс необратим. Широкое распространение получила точка зрения Остина Рэнни, что партии будто бы “в лучшем случае — посредники между суверенным народом и его избранными представителями, а в худшем — злейшие враги честного, достойного доверия правительства”. И мало кто из американцев выражал несогласие или вообще этим интересовался. Все это было совсем непохоже на прежние панегирики, фанфары в честь партий, на ту роль, какую отводили ранее партийным институтам.

* * *

Располагая сведениями о политических партиях, партийных симпатиях электората, начиная с 1789 г. и до настоящего времени, я думаю, мы сможем лучше понять характер развития политической системы США в последние 200 лет. Американская избирательная система возникла по конституции в 1788–1789 гг. Первая партийная перегруппировка произошла в 1854–1860 гг. Избирательная система оставалась с нами и в 1991 г. Представляется, что последняя перегруппировка произошла в 30-е годы. Прилагать концепцию “критических выборов” к политической истории страны до 1838 г., например к избирательным кампаниям 1800 или 1828 г. — значит исказить истинное положение дел. То же самое относится и к выборам 1964 г. или к какой-либо другой избирательной кампании последнего времени. Теория “критических выборов” не

соответствует современным условиям, не учитывает систематически происходящих изменений. Например, согласно этой концепции, как до 1838 г., так и в наше время должны были существовать группировки, а ведь на самом деле их не было. Если даже в 1800, 1828 или 1964 г. и происходили партийные перегруппировки, их менее всего можно считать классическими иллюстрациями теории.

Таким образом, если американская политическая история и подчинялась определенным закономерностям, они не могут быть объяснены посредством теории “критических выборов”. Концепция “критических выборов” (перегруппировок) — это лишь один из возможных путей анализа американских политических реалий. Мы назвали пять партийных систем, но они не так легко сопоставимы. Третья и четвертая системы близки друг другу, однако каждая из них в отдельности и обе вместе они резко отличаются от предыдущей и последующей систем. Период 1838—1890 гг. не имеет аналогов в политической истории США. Дэвид Мэйхью несколько лет назад в своей рецензии на классический труд Чеймберса и Бернхэма по партийным периодам ясно выразил эту мысль: “Вероятно, — писал он, — было бы полезным вести речь о двух, а не о пяти, сменяющих друг друга партийных системах в США (или о 2,5, если принимать во внимание быстро сошедшие с политической арены партии джефферсоновских республиканцев и гамильтоновских федералистов): о *джексонской системе*, функционировавшей с 1830-х годов и приблизительно до первого десятилетия XX в., и о *прогрессивистской системе*, действовавшей примерно с 1910-х годов и до настоящего времени”.

Мейхью, как я его понял, имел в виду главным образом организационную структуру партий. Его основную мысль можно углубить и уточнить — для этого надо связать воедино такие факторы, как поведение избирателей, организационное строение партий, отношение к ним и перспективы их развития. В 1978 г. Бенсон, Филд и я предложили концепцию политических эр взамен старой теории регулярно следующих одна за другой партийных систем, отделенных партийными перегруппировками. Когда мы впервые выдвинули данную идею, она казалась полезной. Она продолжает “работать” даже в свете десятилетних исследований по теме. Мы пришли к выводу, что, хотя с 1789 г. функционировало пять партийных систем, страна пережила три политических эры (а может быть, начинается и четвертая), причем их хронологические рамки не совпадают с периодизацией пяти партийных систем.

Конечно, установление хронологических рамок — дело сложное, вызывающее возражения. Как известно, исторические эры не начинаются просто так, неожиданно, и не завершаются внезапно и окончательно. Тем не менее в политической истории США можно выделить несколько различных этапов. Первая политическая эра длилась с 1789 по 1838 г.; вторая — с 1838 по 1893 г. и включала начало партийной перегруппировки в 1893 г.; третья эра началась после 1893 г. (Бенсон, Силби и Филд, 1978). Сейчас мне более по душе точка зрения о

АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭРЫ, 1789—1991

Годы	Эры	Название
1789—1838	I	Догруппировка (предгруппировка) (Pre-Alignment)
1838—1893	II	Группировка/перегруппировка (Alignment/Realignment)
1893—1948/52	III	Перегруппировка/разгруппировка (Realignment/Dealignment)
1948/52—	IV	Постгруппировка (Post-Alignment)

существовании четырех политических эр — последняя начинается в 1948—1952 гг. и охватывает теперь уже более чем 40-летний отрезок времени. Собственно, гвоздь проблемы — даже не в количестве эр (или партийных систем), а в их особенностях, их глубинных различиях, влиянии последних на американскую политическую жизнь. Основанием для такой периодизации политической истории служат сам характер общества, особенности политических институтов, существовавшие нормы поведения граждан, которые определяли политическую жизнь США на протяжении каждой эры. На протяжении каждой эры вырабатывался консенсус относительно толкования таких понятий, как главная опасность, правильное поведение, а также того, какие политические средства и институты играют более важную роль и как их надо использовать. Существовало различное понимание того, что необходимо для управления политическим процессом, как определять политическую повестку дня и как выполнять конкретные политические задачи. В каждую эру существовали определенные нормы, ритуалы, принципы, которые регулировали степень политической активности американцев, их вовлеченность в общественную жизнь.

Некоторые элементы политической системы, отражавшие особенности каждой эры, были заимствованы из прошлого, другие являлись новыми. Но проявляли они себя в каждую эру по-разному, по-разному взаимодействовали друг с другом, отражая общую расстановку социально-экономических сил в данный момент. Я остановился в основном на характеристике поведения избирателей — именно оно, по моему мнению, определяло хронологические рамки каждой эры. Однако существовали и другие важные различия между эрами, что в совокупности отражало специфику отдельной политической системы.

Позвольте мне, воспользовавшись терминами и дополнив словарь сторонников теории “критических выборов”, назвать (и охарактеризовать) каждую из четырех эр в политической истории США. Они могут быть названы так: 1) догруппировка (перегруппировка); 2) группировка/перегруппировка; 3) перегруппировка/разгруппировка; 4) постгруппировка (см. таблицу).

В заключение я возвращаюсь к тому, с чего начал, — к определенному несовершенству концепции “критических выборов”. С возрастанием количества исследовательских работ по данной проблематике, привлечением новых исторических материалов становится очевидным, что хронологические рамки являются самым слабым местом указанной теории. Прежде всего, перегруппировки не могут происходить без

группировок, это представляется логичным и подразумевает, в свою очередь, важнейшее значение для теории “критических выборов” наличия политических партий. Группировкам для объединения необходимы партии. Таким образом, циклическая схема перегруппировок не распространяется на непартийный, антипартийный и постпартийный периоды.

Во-вторых, перегруппировки не свидетельствуют о нормальном функционировании политических механизмов. Каким бы устойчивым ни было поведение избирателей, оно не соответствует циклу перегруппировок, принятому в научной литературе. Предложенная Бенсоном и мной схема, те факты, на которые мы опираемся, подразумевают важнейшее значение политической эры между 1838 и 1940-ми годами. До и после нее — две эры, насчитывающие примерно одинаковое число лет, когда поведение избирателей не создавало условий для партийной перегруппировки. Хотя, само собой разумеется, что разница между двумя указанными эрами — до и после перегруппировки — огромна. Но у них есть и некоторые общие черты. Каковы бы ни были их особенности, характерная примета первой эры — отсутствие партий, а последней — упадок партий, потеря ими влияния, крах партийной системы. Короче говоря, это были допартийная и постпартийная эры. На протяжении обеих названных эр избиратели часто не принимали участия в политической жизни, их приверженность партиям не была четко выраженной. Обе данные эры — первая и последняя — приблизительно одинаковы по своей протяженности и охватывают примерно половину нашей политической истории после принятия федеральной конституции.

Мне представляется, что в политической истории США прослеживается ряд тенденций, ее динамика не проста, неоднозначна. Американская история не всегда имела циклический характер, когда периодически происходили изменения, действовали одни и те же механизмы и нормы поведения. Концепция “критических выборов” неприменима во многих случаях к характеристике поведения американских избирателей с 1789 г. — оно не отличалось устойчивостью, часто менялось. Таких изменений в поведении электората не наблюдалось ни до 1838 г., ни после 1940-х годов. Если мы возьмем на вооружение точку зрения профессора Лэдда (которую я разделяю), что “видоизмененная партийная и избирательная системы, (в настоящее время) прочно укоренившиеся в Соединенных Штатах..., не имеют исторического аналога”, то давайте также будем последовательны и признаем, что теория перегруппировок важна, но не может полностью объяснить феномен американской политической жизни на протяжении более 200 лет.

И в заключение: это описание и анализ истории партий США, поведения избирателей, а также выдвинутых историками и признанных ими полезными концепций — один из *верных* путей понять прошлое Америки, механизм функционирования политических институтов, мотивы человеческих поступков, существовавшие альтернативы. Все это, на мой взгляд, позволяет также осмыслить политическую историю США, во всем ее многообразии, во всех ее противоречиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

У.Чеймберс и У.Бернхэм первыми ввели в научный оборот теорию партийных перегруппировок, обосновали их решающую роль в политической истории США с 1789 г. См.: *The American Party Systems* / Ed. W.N.Chambers, W.D.Burnham. N.Y., 1967. 2nd ed. — 1975. Авторы сборника статей: *Kleppner P. et al. The Evolution of American Electoral System*. Westport, 1981 развивают и углубляют выводы Чеймберса и Бернхэма. Важное значение имеют также исследования: *Burnham W.D. Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*. N.Y., 1970; *Clubb J.M., Flanigan W.H., Zingale N.H. Partisan Realignment: Voters, Parties and Government in American History*. Beverly Hills, 1980; *Brady D.W. Critical Elections and Congressional Policy Making*. Stanford, 1988.

Статья Л.Бенсона, Дж.Силби, Ф.Филда и доклады Л.Бенсона и Дж.Силби представляют критический взгляд на эти проблемы. См.: *Benson L., Silbey J.H., Field Ph.F. Toward a Theory of Stability and Change in American Voting Patterns: New York State 1792—1970* // *The History of American Electoral Behavior* / Ed. J.H.Silbey, A.G.Bogue, W.H.Flanigan. Princeton, 1978. P. 78—105; *Benson L., Silbey J.H. American Political Eras, 1788—1984: Toward a Normative, Substantive and Conceptual Framework for the Historical Study of American Political Behavior* (paper presented at the Social Science History Association meeting, 1978; Science Association, 1989); *McCormick R.P. The Party Period and Public Policy: American Politics From the Age of Jackson to the Progressive Period*. N.Y., 1986.

Понять характер, особенности допартийной эры, специфику новых политических задач помогут следующие работы: *Wallace M. Changing Concepts of Party in the United States: New York, 1815—1828* // *American Historical Review*. 1968. Vol. 74. Dec. P. 453—491; *Hofstadter R. The Idea of the Party System: The Rise of Legitimate Opposition in the United States, 1780—1840*. Berkeley, 1969; *Formisano R.P. The Transformation of Political Culture: Massachusetts Parties 1790s—1840s*. N.Y., 1983; *McCormick R.P. The Second American Party System: Party Formation in the Jacksonian Era*. Chapel Hill, 1966; *Cole D.B. Martin Van Buren and the American Political System*. Princeton, 1984; *Benson L. The Concept of Jacksonian Democracy: New York as a Test Case*. Princeton, 1967; *McCormick R.P. Presidential Game: The Origins of American Presidential Politics*. N.Y., 1982; *Nichols R.F. The Invention of the American Political Parties*. N.Y., 1967; *Holt M.F. The Election of 1840, Voter Mobilization, and the Emergence of the Second American Party System: A Reappraisal of Jacksonian Voting Behavior* // *Cooper W.J., Holt M.F., McCardell J. A Master's Due: Essays in Honor of David Herbert Donald*. Baton Rouge, 1985. P. 16—58.

Для ознакомления с первой фазой функционирования партийной системы (до 1860 г.) будет полезен ряд книг и статей. См.: *Baker J. Affairs of Party: The Political Culture of Northern Democrats in the Mid-Nineteenth Century*. Ithaca, 1983; *Howe D.W. The Political Culture of the American Whigs*. Chicago, 1979; *Silbey J.H. The Partisan Imperative: The Dynamics of American Politics Before The Civil War*. N.Y., 1985; *Gienapp W. Politics Seems to Enter into Everything: Political Culture in the North, 1840—1860* // *Maizlish S., Kushma J. Essays on American Antebellum Politics. 1840—1860*. College Station, 1982. P. 15—69; *Holt M. The Political Crisis of the 1850s*. N.Y., 1978 (содержание книги М.Холта шире, чем можно предположить по ее названию).

Исследование поведения избирателей началось с труда Бенсона "Concept of Jacksonian Democracy" и было продолжено в монографиях по данной теме, опубликованных в различных штатах и графствах. См. также: *Kleppner P. The Third Electoral System, 1853—1892*. Chapel Hill, 1979; *Winkle K. The Politics of Community: Migration and Politics in Antebellum Ohio*. Cambridge; N.Y., 1988; *Rozett J. The Social Bases of Party Conflict in the Age of Jackson: Individual Voting Behavior in Greene County, Illinois, 1838—1845*. University of Michigan, 1974 (Unpublished Ph.D. diss.); *Hammarberg M. The Indiana Voter: The Historical Dynamics of Party Allegiance During the 1870s*. Chicago, 1977; историографические статьи: *Swierenga R., Howe D.W. // Religion and American Politics: From the Colonial Period to the 1980s* // Ed. M.A.Nöll. N.Y., 1990; *Argersinger P.H., Jeffries J.W. American Electoral History: Party Systems and Voting Behavior* // *Research in Micropolitics*. 1986. N 1. P.1—34; *Shade W.G. Parties and Politics in Jacksonian America* // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1986. Oct. N 110. P. 483—508.

Проблема функционирования политической системы США в период Гражданской войны и в последующие годы посвящены следующие книги и статьи: *Bogue A.G. The Congressman's Civil War*. N.Y., 1989; *Campbell B.C. Representative Democracy: Public Policy and Midwest Legislatures in the Late Nineteenth Century*. Cambridge, 1980; *Keller M. Affairs of State: Public Life in Late Nineteenth Century America*. Cambridge, 1977; *Thompson M.S. The 'Spider Web': Congress and Lobbying in the Age of Grant*. Ithaca, 1985; *Baker P. The Culture of Politics in*

Nineteenth Century: Community and Political Behavior in Rural New York // *Journal of Social History*. 1984. Winter. N 18. P. 167—193; *Fink L.* Workingmen's Democracy: The Knights of Labor and American Politics. Urbana, 1983; *Oesterreicher R.* Urban Working-Class Political Behavior and Theories of American Electoral Politics, 1870—1940 // *Journal of American History*. 1988. Mar. N 74. P. 1257—1286.

Крах партийной системы — предмет исследования таких ученых, как Р.Дженсен, П.Клеппнер, Р.Маккормик, Дж.Рейнолдс и др. См.: *Jensen R.* The Winning of the Midwest: Social and Political Conflict, 1888—1896. Chicago, 1971; *Kleppner P.* The Cross of Culture: A Social Analysis of Midwestern Politics 1850—1900. N.Y., 1970; *McSeveney S.T.* The Politics of Depression: Political Behavior in the Northeast, 1893—1896. N.Y., 1972; *McCormick R.L.* From Realignment to Reform: Political Change in New York State, 1893—1910. Ithaca, 1981; *Kouser J.M.* The Shaping of Southern Politics: Suffrage Restriction and the Establishment of the One-Party South, 1880—1920. New Haven, 1974; *Reynolds J.F.* Testing Democracy: Electoral Behavior and Progressive Reform in New Jersey, 1880—1920, Chapel Hill, 1988; *McGerr M.* The Decline of Popular Politics: The American North, 1865—1928. N.Y., 1986; *Skowronek S.* Building a New American State: The Expansion of National Administrative Capacities, 1877—1920. N.Y., 1982; *Baker P.* Gender and the Transformation of Politics: Public and Private Life in New York, 1870—1930. N.Y., 1990.

Понять характер функционирования политических систем США в XX в. можно, изучив прежде всего книгу У.Бернхэма, основные положения которой суммированы в его работе: *The Current Crisis in American Politics*. N.Y., 1982; см также: *Kleppner P.* Who Voted? The Dynamics of Electoral Turnout, 1870—1980. N.Y., 1982; *Idem.* Continuity and Change in Electoral Politics, 1893—1928. N.Y., 1987; *Brady D.W.* et al. The Decline of Party in the US House of Representatives, 1887—1968 // *Legislative Studies Quarterly*. 1979. Aug. N 4; *Wattenberg M.* The Decline of American Political Parties, 1952—1988. Cambridge, 1990; *The New American Political System* / Ed. A.King. Washington: American Enterprise Institute, 1978; *Lowi Th.J.* The End of Liberalism: Ideology, Policy and the Crisis of Public Authority. N.Y., 1968.

Статья Э.Лэдда представляет интерес с той точки зрения, что в ней поднимается вопрос о состоянии наших исследований в области изучения поведения избирателей, в частности их связь с теорией перегруппировок. См.: *Ladd E.C.* The 1988 Elections: Continuation of the Post New Deal System // *Political Science Quarterly*. Spring. 1989. N 104. P. 1—18.